

Владимир Тимофеевич Васильев – один из новокузнецких художников, чьи работы можно увидеть каждый день. Например, бюсты на Стене славы Сада алюминщиков – его рук. А ведь когда-то, еще мальчишкой, он работал токарем и достиг определенных профессиональных высот.

СОЗВУЧИИ УШИ И КИСТИ

(Продолжение на стр. 6)

В СОЗВУЧИИ ДУШИ И КИСТИ

– Да что обо мне рассказывать, всё как у всех: родился, учился, работал... Сейчас вот творю, – с улыбкой начинает рассказ Владимир Васильев. – А вообще мне с самого детства очень нравилось рисовать. И это увлечение со временем стало профессией.

Владимир Васильев родился 28 июня 1945 года в Северо-Енисейске. Когда-то в этот город были депортированы его родители, но о подробностях той страницы семейной истории Владимир Тимофеевич не любит рассказывать: у родителей не удалось всё выспросить, а ответы на официальные запросы так ничего и не прояснили.

– Отец прошел всю войну, был ранен, потерял часть кисти, – рассказывает о родителях Васильев. – Преподавал в школе военное дело, а потом работал токарем на заводе. После ранения у него осталось всего два пальца на одной руке, но это было не заметно: отец и траву косил, и работал наравне с другими мужчинами, был очень серьезным человеком. А мама всю жизнь работала в торговле. Она была очень умной, грамотной, обладала феноменальной памятью на числа.

Мать Владимира Тимофеевича была по-своему творческим человеком, любила музыку. Эта музыкальность передавалась и сыну.

– Мне в детстве нравился полонез Огинского, и мама на этом «подловила», предложила научиться играть самому, на баяне, – со смехом рассказывает историю обучения Васильев. – Я с воодушевлением взялся учить нотную грамоту. Быстро научился играть, пошли композиции: «Раскинулось море широко», вальсы и, конечно же, полонез Огинского.

Но в один прекрасный момент для разучивания дали очень сложное произведение – и всю любовь к музыке как рукой сняло. Тогда парнишка пошел на хитрость и «забыл» баян в автобусе... Так завершилась его музыкальная «карьеря».

От токаря – к художнику

– После восьмого класса я начал трудиться вместе с отцом, пошел к нему

учеником токаря, – вспоминает рабочие будни Васильев. – Не скрою, было тяжело. Техника разная, у всех свои детали, свои размеры, резьба, но я старался все делать на совесть.

Через год он уже работал по третьему разряду. А потом поделился с родителями мечтой быть художником. Впрочем, мечта была основана не на пустом месте: сколько Владимир Васильев себя помнил, он постоянно рисовал.

– Мне было интересно и композицию создавать, и детали продумывать, – вспоминает художник. – Нередко изображал батальные сцены. Мать и отец поддержали мое стремление, и я стал готовиться к поступлению в Суриковское училище. И, кстати, довольно легко поступил.

После окончания училища Васильева направили работать художником-оформителем в совхоз – в то время необходимо было отработать какое-то время по распределению. Добирался туда сначала автобусом, потом – пешком. Председатель совхоза очень обрадовался, сразу же повел все показывать молодому специалисту.

– Помню, я был неприятно удивлен тем самым оформлением, которым предстояло заниматься, – вспоминает Васильев. – Дошли мы до мастерской. Там мужики-«художники» как услышали, что я буду у них за начальника, тут же стали предлагать выпить за знакомство. Всю ночь я не мог заснуть: такими удручающими представлялись мне перспективы работы в совхозе. И рано-рано утром, часа в 4, наверное, я потихоньку сбежал оттуда...

Из Новокузнецка в Красноярск

Так Васильев попал в Новокузнецк. Здесь он устроился в бюро эстетики при проектно-отделе. Помимо эскизов приходилось делать спецификацию объекта, т.е. техническое обоснование, и эта тех-

ническая часть никак не вязалась с полетом творческой мысли.

– Я уехал в Красноярск и поступил на Красноярский алюминиевый завод в бюро эстетики, – вспоминает Васильев. – Приходилось и чертежи чертить, и чеканкой заниматься, и выколотку делать, и портреты писать, и по сырой штукатурке резать...

И то время Васильев вспоминает как один из самых прекрасных периодов жизни.

Возвращение

Через несколько лет Васильев вернулся в Новокузнецк: его мать в письме очень просила об этом. И тут же его «сватал» к себе на работу заместитель директора НКАЗа.

– Он видел на КраЗе мои работы и решил, что было бы неплохо, если б я работал у них. Так я попал на НКАЗ, – разводит руками Васильев. – Помимо оформительских работ, мне предложили сделать несколько нестандартных.

Затем перед Васильевым поставили задачу сделать бюсты героев труда для оформления арки Сада алюминщиков. Владимир Тимофеевич переживал за успешность работы: раньше не занимался скульптурой. Каждый бюст сначала лепил из пластилина, смешивая разные

цвета в одну серо-бурую массу, а б уже воплощал в том виде, в каком можно увидеть сейчас.

Не менее интересной была работа над барельефом – тем самым барельефом Сталина, который также находится на территории завода: во второй половине 90-х шла переоценка ценностей, обращались к истории, ярким и значимым личностям, оказавшим влияние на развитие страны, и эта работа актуальной.

Прошло некоторое время, на заводе произошли перемены, и многое из того, что делал Владимир Тимофеевич, залось невостребованным новым руководством. Вскоре художник вышел заслуженный отдых. Сегодня Владимир Тимофеевич по-прежнему пишет картины, сюжеты которых созвучны его времени. Есть среди работ пейзажи, характерные портреты. Васильев постоянно участвует в городских выставках, чувствует себя частью состоявшейся личности. А в нынешнем году, накануне 70-летия, его пригласили в Союз художников. Сегодня, когда можно посвятить все свободное время творчеству, Владимир Васильев пишет все новые и новые сюжеты. И видит в творчестве свое предназначение именно в творчестве.

Мария Соко